

Мамка Нунли явно тоже была очень разочарована:

— Похоже, покои не убрали уже несколько дней. Всё усыпано сухими листьями. Передняя гостиная в полном беспорядке, на доске до сих пор записи с прошлого урока, книги, по которым училась принцесса, так и валяются на столе неубранными. Всё покрыто пылью! В камине полусгнившее яблоко! Под шторами, за диваном, на камине — везде пыль. Честно говоря, я никогда не видела, чтобы королевские покои, нет, я даже в домах графов не видела такого беспорядка! Слуги совсем распустились, с тех пор как императрица забеременела, они, похоже, перестали заботиться о покоях принцессы.

Старшая нянюшка тоже казалась несколько расстроенной:

— Да. Ситуация не из оптимистичных. Но вы ведь пришли, не так ли? У нас ещё есть время. Мы сможем проследить, чтобы на церемонии выбора рыцарей-защитников не случилось никаких накладок. Вы должны верить в себя...

Снизу донеслись звук открываемой двери и шорох шагов. Должно быть, это Мамка Хайтан привела людей. Цинсин нахмурилась, приподняла юбку и, осторожно ступая, поднялась по лестнице, почти бегом, стараясь ступать как можно тише. Принцесса Юньхун жила на четвёртом этаже. Её комната была самой высокой и самой большой во всём здании, с окнами с трёх сторон. Цинсин тихонько толкнула дверь. В комнате окна были закрыты, но в обоих каминах ярко горел огонь, освещающий всё алым и золотым светом.

Цинсин притворила за собой дверь, легонько похлопала себя по груди, успокаивая дыхание, и принялась одну за другой раздвигать шторы. Снаружи шторы были из янтарно-золотистой лёгкой вуали, расшитой красивыми бабочками и цветами; внутренний слой — из тонкого светло-жёлтого бархата, без всякого узора, лишь с золотистой волнистой каймой. Окна были очень высокими, и хотя шторы были тонкими и мягкими, раздвигать их было всё равно тяжело. Когда Цинсин раздвинула три полотнища, на лбу у неё выступила мелкая испарина.

— Госпожа Чжаолу, почему вы сегодня так рано? — раздался из-за занавесок с драгоценными камнями голос принцессы Юньхун. Цинсин обернулась. Принцесса плотно закуталась в одеяло, из-под которого виднелась лишь половина лица. Красивые зелёные глаза, спрятанные в спутанных серебристых волосах, напоминали огромный кошачий глаз. Цинсин повернулась, сделала реверанс, а затем, продолжая раздвигать шторы, ответила на вопрос принцессы:

— Боюсь, теперь придётся вставать так рано всегда, Ваше Высочество. Сегодня прибыла Старшая нянюшка с двумя воспитательницами. Они очень недовольны тем, как вы встаёте. Они хотят, чтобы вы просыпались пораньше и либо готовились к урокам, либо повторяли пройденное — словом, чем-нибудь занимались. А не валялись всё время в постели.

— Я не хочу учиться! — Принцесса Юньхун поморщилась от одних слов «готовиться» и «повторять». — Наставник Юйтун постоянно заставляет меня читать «Божественные знамения» и «Божественную комедию», и всё время читает истории о битвах богинь. Я вовсе не собираюсь становиться воительницей. Госпожа Чжаолу, вы читали истории о богинях?

Цинсин на мгновение опешила, но честно ответила:

— Нет, Ваше Высочество. Моя мать рассказывала мне истории о богинях. Но что касается чтения... честно говоря, я знаю не так много иероглифов. Моя мать говорила, что для девушки уже хорошо, если она умеет написать своё имя. Чтение — это дело чиновников. Им нужно управлять государством, устанавливать налоги, поэтому они, конечно, должны быть грамотными. А для нас, девушек, самое главное — иметь хорошее ремесло, научиться готовить, шить. Иначе, сколько ни читай, мужчины всё равно не захотят на тебе жениться.

Услышав ответ Цинсин, принцесса Юньхун вздохнула и сказала:

— Госпожа Чжаолу, ваша мать слишком консервативна. Я считаю, зачем девушке обязательно выходить замуж за мужчину? Разве девушка не может стать чиновницей?

Цинсин улыбнулась, обернулась и снова сделала реверанс:

— Да, Ваше Высочество, на данный момент девушкам ещё нельзя становиться чиновниками. Ни гражданскими, ни военными. Но, возможно, в будущем вы сможете всё изменить. В конце концов, вы же Чудесная принцесса, не так ли?

Принцесса Юньхун что-то пробормотала в ответ, но не успела ничего сказать. Дверь со скрипом отворилась. Кухарка вкатила тележку с завтраком. Принцесса Юньхун откинула одеяло, отодвинула разноцветный занавес с драгоценными камнями, с глухим стуком спрыгнула с кровати и одним движением сдёрнула алюминиевую крышку с блюда.

Заглянув внутрь, она увидела большую чашку тёплого сладкого молока, большой кусок белого и мягкого рулета, тарелку с горкой сухофруктов и орехов, большую миску тонко нарезанных маринованных овощей, а также кусок копчёной свинины, больше её собственного лица, и целое куриное филе, обжаренное до хрустящей корочки снаружи и нежное внутри.

Юньхун посмотрела на всё это, с грохотом захлопнула крышку и, надув губы, недовольно произнесла:

— Я же говорила, что хочу ту сладкую медовую воду, которую пила в прошлый раз.

Кухарка растерянно посмотрела на Цинсин. Цинсин, отодвинув одну штору и вытирая пот, с улыбкой принялась уговаривать принцессу:

— Ваше Высочество, вам ещё нет двенадцати. Медовую воду пить нельзя.

— Но я же пила её в прошлый раз! — рассердилась Юньхун. — Раз можно было в первый раз, значит, можно и во второй.

Цинсин подмигнула кухарке. Та поняла, оставила тележку и бесшумно выскользнула из комнаты.

Цинсин медленно подошла, приподняла крышку тележки, взглянула и вдруг вспомнила свой собственный завтрак. Боясь не успеть, кухарка обычно готовила завтрак для неё ещё с вечера. Обычно это были два ломтика чёрствого хлеба, два кусочка копчёной свинины и тарелка сушёных или маринованных овощей. Если оставалось время, кухарка могла сварить для служанки два яйца вкрутую. Зимой молока было мало, и простым служанкам оно не полагалось; иногда давали миску картофельного супа, иногда — густого супа из сушёного гороха.

Цинсин незаметно вздохнула и снова вспомнила о своей младшей сестрёнке дома. Род Чжаолу был боковой ветвью рода Байлу, но пришёл в упадок много лет назад. Отец Цинсин даже не получил никакого титула. Кроме дворянского звания, в доме не было ничего. Сколько она себя помнила, мать работала служанкой в доме Байлу, постепенно дослужившись до нянюшки. Мать редко бывала дома; хорошо, если удавалось прийти раз в десять дней. Когда мать приходила, она приносила большой узел с чёрствым и жёстким хлебом. Хлеб выглядел неаппетитно, на некоторых кусках даже были чужие следы зубов. Каждый раз мать варила большой котёл картофельного супа, разрывала сухой хлеб на мелкие кусочки и бросала их туда, добавляла немного зелени — и сёстры Цинсин съедали всё дочиста, облизывая тарелки.

Когда Цинсин подросла, мать попросила управляющего домом Байлу устроить её во дворец в качестве служанки. Цинсин повезло: в тот год всех отобранных со всех земель служанок собрали в Храме Тяньму у подножия Гор Чаотянь, когда внезапно сошёл сель, унёсший несколько десятков жизней. Оставшихся было так мало, что Император счёл их спасёнными милостью богини и, отменив все испытания, принял на службу. Иначе с её данными Цинсин вряд ли бы прошла отбор.

Дворец есть дворец. Если не случалось голода, еда была вполне приличной, по крайней мере, можно было не голодать. Всех вспоминая, Цинсин больше всего скучала по своей младшей сестрёнке. Она была на три года младше Цинсин, и так как матери часто не было рядом, она практически выросла на руках у Цинсин. Когда она была голодна, она ела всё подряд, даже собственные сопли. Раньше Цинсин часто ходила на реку ловить дикие водяные орехи; она чистила один, а сестрёнка тут же его грызла, и так до тех пор, пока не наедалась до отвала, не говоря ни слова. В ночь перед уходом Цинсин сестрёнка обнимала её и плакала до самого рассвета. Когда Цинсин выходила из дома, она спряталась под одеялом и не вышла проводить. А когда Цинсин отошла уже далеко, за горой, она услышала её крик: «Сестричка, я хочу к сестричке!»

Вспомнив о сестре и взглянув на маленькую принцессу перед собой, Цинсин очень мягко принялась её уговаривать:

— В прошлый раз вы были больны. Врач разрешил вам выпить совсем чуть-чуть. Теперь вы здоровы, и пить её больше нельзя.

Принцесса Юньхун подняла голову, посмотрела на Цинсин, вздохнула, взяла пирожное и

молоко и, жуя, заговорила, качая головой:

— Это потому, что уговариваете меня вы. Если бы меня уговаривала госпожа Хунмэй, я бы не стала есть.

Цинсин опустила крышку тележки и, продолжая раздвигать шторы, с улыбкой спросила:

— Почему же? Ведь суть одна и та же. Почему вы не слушаетесь её?

Принцесса Юньхун показала язык и весело ответила:

— Я думаю, она слишком глупая. Всё время кудахчет, бегают туда-сюда, суетится — прямо как курочка-наседка...

Она не успела договорить, как в дверях раздался строгий голос Старшей нянюшки:

— Как подобает высокой принцессе, нельзя так легкомысленно судить о других.

Принцесса вздрогнула от неожиданного голоса и едва не пролила молоко. Она удивлённо обернулась и, увидев Старшую нянюшку, приближающуюся в сопровождении толпы слуг и нянюшек, поспешно отставила еду, прокашлялась, приподняла подол ночной рубашки и сделала боковой поклон в сторону нянюшек.

Мамка Яотао несколько мгновений пристально разглядывала платье принцессы, и на её лице явно читалось отвращение. Цинсин достала из шкафа накидку из зелёных павлиньих перьев и накинула её на плечи принцессы. Принцесса, чувствуя непонятную тревогу от того, что в комнату набилось полдюжины людей, плотно закуталась в накидку, не зная, что сказать. Старшая нянюшка заметила её замешательство, кивнула ей, сделала поклон и заговорила первой:

— Ваше Высочество, в день вашего рождения Его Величество Император устроит для вас и третьего принца великую церемонию посвящения, на которой вы изберёте своих рыцарей-защитников. По обычаю, ваша мать должна лично обучать вас церемониалу дня посвящения. Но, как вы знаете, её живот сейчас слишком велик. Ей трудно даже ходить, не то что вставать с постели. Поэтому мы, приняв приглашение Его Величества Императора, прибыли, чтобы обучить вас церемониалу дня посвящения.

Принцесса Юньхун, явно напуганная её строгостью, отступила на два шага и ещё плотнее закуталась в накидку.

— Но, нянюшка, ведь после моего дня рождения прошло меньше месяца...

Старшая нянюшка кивнула и очень решительно прервала её:

— Да, Ваше Высочество. Времени действительно мало. Но я верю в вас. Сейчас вы единственная принцесса в королевском роду. Вы должны понимать и осознавать всю тяжесть лежащей на вас ответственности.

Принцесса Юньхун была несколько озадачена тем, что сказала Старшая нянюшка об ответственности, но не собиралась спрашивать её об этом. Она украдкой покосилась на Мамку Яотао, почувствовала инстинктивную неловкость от её взгляда, одёрнула накидку и постаралась, чтобы её голос звучал как можно спокойнее:

— Да, нянюшка. Я обязательно буду хорошо учиться. Я ни за что не обману ожиданий Храма и моего отца с матерью.

Старшая нянюшка осталась довольна ответом принцессы. Она повернулась и приказала Мамке Хайтан:

— Если только не будет особого предписания или распоряжения лекаря, впредь принцесса не должна принимать пищу в спальне. Ей надлежит ходить в столовую на третьем этаже.

Мамка Хайтан поспешно согнулась, низко опустив голову, и дрожащим голосом ответила:

— Слушаюсь, я поняла.

Старшая нянюшка повернулась, окинула взглядом спальню принцессы, поджала губы и снова сделала поклон принцессе. Принцесса поняла и сделала реверанс в ответ. Старшая нянюшка, удовлетворённая, развернулась и вышла вместе со всей свитой, на ходу отдавая распоряжения Мамке Нунли:

— Отныне ты будешь отвечать за повседневную жизнь и бытовой этикет принцессы. Она совершенно ничего не понимает. К кому с каким поклоном обращаться — это просто насмешка. И ещё: у принцессы над кроватью висят не полог, а какие-то занавески с бусами — это ещё что за безобразия!

Увидев, что все ушли, принцесса Юньхун со вздохом «хай» швырнула пирожное и молоко обратно на тележку. Надув губы, она очень сердито села на край кровати, свесила ноги и принялась пинать занавески с бусами, приговаривая:

— Подумаешь, церемония посвящения! С чего такая морока? Второй старший брат говорил мне, что дух рыцаря-защитника уже давно покинул купель посвящения. Всё, что брошено в купель, если никто не выловит, никогда само не всплывёт. Первому и Второму братьям рыцарей-защитников напрямую назначил отец. Они просто сходили к купели посвящения, поднесли хлеб и молоко духу рыцаря. И никакой пышной церемонии не было! Почему же для

меня и третьего брата всё так сложно? И ещё учить какой-то этикет!

Цинсин, раздвинув последнюю штору, упёрлась руками в бока, встала перед принцессой Юньхун и, вытирая пот, с улыбкой объяснила ей:

— Дорогая Ваше Высочество, я и сама не знаю почему. Ваша церемония посвящения и церемония третьего принца привлекают необычайное внимание. По состоянию на вчерашний день, министр иностранных дел уже получил семь писем синей птицы от послов других государств. Это значит, что как минимум знать из семи стран прибудет на церемонию. При таком количестве зрителей, естественно, и Династия, и Храм придадут ей особое значение. Поэтому, конечно, всё должно быть по правилам. Морока неизбежна.

Услышав «письма синей птицы», принцесса машинально посмотрела на юго-запад. Там находилась башня Фэнсинь, и три верхних этажа этой башни были гнездовьем синих птиц. Огромные синие птицы часто взлетали с башни по две-три, парили в вышине, словно ястребы. Посланники синих птиц стояли на подвесном мосту на вершине башни, время от времени свистя в свои свистки, и пронзительный свист разрезал небо, напоминая крик хищной птицы.

Принцесса всё ещё задумчиво глядела вдаль, а Цинсин уже с улыбкой принесла дневную одежду. Принцесса с отвращением взглянула на нижнюю юбку, вздохнула, но вдруг схватила Цинсин за руку и с жаром спросила:

— Госпожа Чжаолу, когда сегодня закончатся занятия, вы не могли бы отвести меня на башню Фэнсинь? Я там ещё ни разу не была!

Цинсин заколебалась и немного смущённо ответила:

— Тогда нам, возможно, придётся обсудить это с Мамкой Хайтан. Она может и не согласиться. Вы же знаете, сегодня Старшая нянюшка...

Услышав слова «Старшая нянюшка», у принцессы Юньхун сразу забилося сердце и почему-то перехватило дыхание. Она поспешно перебила Цинсин:

— Ладно, ладно. Я не пойду. Не нужно спрашивать нянюшку.

<http://bllate.org/book/21187/2145309>